

Алексей Иванов: «Урал — не опорный край державы, Урал — это Гэндальф»

От сказок Бажова до современного бизнесмена — известный писатель открывает новые-старые смыслы жизни на Урале в своей новой книге «Горнозаводская цивилизация».

Пермский писатель Алексей Иванов — сам по себе фигура для Урала знаковая, многогранная. До того как блеснуть на литературной сцене России романами «Сердце Пармы», «Географ глобус пропил», успел поработать сторожем, учителем, журналистом, гидом, получить образование на факультете искусствоведения и культурологии УрГУ. Несколько лет назад вместе с Леонидом Парфёновым он выпустил фильм «Хребет России», посвященный истории Урала, — с тех пор с этой темой Иванов связан неразрывно. Следующая книга — «Горнозаводская цивилизация» — готовится выйти осенью 2013 года. Корреспондент Портала 66.ru отправился на встречу с писателем, чтобы наконец узнать, кто мы — современные «горцы», что и почему любим, чем живем, а также какое место светит воплощению «Горнозаводской цивилизации» — Екатеринбург в современном мире.

Алексей Иванов, писатель:

— «Горнозаводская цивилизация» — это моя новая фотокнига. Она выйдет в издательстве АСТ осенью 2013 года к ярмарке «Нон-фикшн». Появилась она благодаря поддержке Алексея Феликсовича Бадаева, министра культуры Свердловской области. Он организовал финансирование съемочных экспедиций продюсерского центра «Июль», который реализует все мои проекты. Экспедиций было много: мы объехали весь горнозаводский Урал от Алапаевска до Оренбурга, от Ижевска до Белорецка. Работа заняла больше года.

— Урал явил собой уникальный цивилизационный феномен. Здесь промышленность была организована как империя, и получилась «державка в державке», состоящая из горных заводов. «Государство» горных заводов существовало с 1719 года, когда заводы получили особые юридические права, по 1864 год — до отмены крепостной зависимости горнозаводского населения. На базе «горнозаводской державки» сформировалась «горнозаводская цивилизация», то есть набор особых жизненных и культурных практик.

Урале — труду».

«В философском, что ли, измерении суть «горнозаводской цивилизации» в том, что труд здесь — главная ценность. Человек Урала самореализовывался через труд. Не через богатство, не через силу, не через славу, не через бунт, а через труд. И труду на Урале было подчинено всё — и в правовом смысле, и в промышленном, и в духовном. В Древней Греции поклонялись гармонии, в Древнем Египте — владыкам, в Древнем Риме — государству, а на

Моя книга — это 14 концептов горнозаводской цивилизации. Один концепт — «горный завод», другой — «горнозаводское государство», третий — «Демидовы», четвертый — «камни», пятый — «мастера» и так далее. Внутри каждого концепта обнаружилось много такого, что ускользнуло от взора культурологов. Не то чтобы я такой умный, а они лопухи, просто нужна «насмотренность», как говорят искусствоведы. И тогда открываются многие истины. Надо своими глазами видеть и сравнивать, скажем, Верхнетуринский завод и Верхотурский, Мотовилихинский и Златоустовский. Мне судьба и свердловский Минкульт позволили получить нужные впечатления — это редкая удача даже в наше мобильное время.

Чтобы не быть голословным, наверное, можно кое-что рассказать. Например, в Екатеринбурге все знают памятник на площади Оборонщиков — «Седой Урал». Этот памятник сделан с работы художника Воскобойникова 1942 года, она называлась «Седой Урал кует победу». Художник изобразил могучего старика, который огромным молотом яростно кует меч на наковальне. И понятно, откуда взялся такой образ Урала: старейшая промышленность, кузница победы и т.д. Но — при всем уважении к трудовому подвигу во время войны — идеология «опорного края державы» уже устарела. Для современных школьников что победа при Бородино, что при Сталинграде — одинаково далеко, абстрактно. И вот нынешние мальчишки, которые живут вокруг площади Обороны, дали тамошнему памятнику свое название: «Гэндальф».

Это ярчайший пример перемены смысла, новой идентификации. Если раньше Урал воспринимался как заводской регион, то сейчас Урал оказывается фэнтезийным краем, где мистика, загадки, тайны и т.п. Чаще, конечно, все это воплощается во всякий бред вроде древних ариев в Аркаиме, демонов на перевале Дятлова, щелпов на Серге, инопланетян в Молебке и прочее такое же, но тем не менее перекодификация идет, и переосмысление памятника на площади Оборонщиков — очень показательный пример.

«Екатеринбург — эдакий «сервер» уральской сетевой структуры, как раньше, так и ныне. В 2002 году институт Клода Лёду, французское подразделение ЮНЕСКО, объявил Екатеринбург одним из 12 «идеальных» городов мира. Не в смысле «лучшим на свете», а в смысле «построенным по идеалу», по идеалу «горного завода».

Подобные вещи я рассматриваю в книге как указания на культурологические концепты. Скажем, в Алапаевске прямо в центре города есть заброшенный и затопленный рудник Кокуйская яма. С этой ямой связана замечательная легенда: во время работ штольня вышла на водоносный пласт, рудник начало заливать.

Люди, которые остались на поверхности, увидели, что в колодце рудника резко поднялась вода, и наружу с нижних горизонтов выбило бревно крепи. А оно по щелям оказалось утыкано монетами. Это рабочие, которые там, в недрах, были обречены на смерть, вот так отправили вверх те деньги, которые с ними были, чтобы товарищи отдали деньги родне погибших. Это поступок героев. Поступок людей, которые уходили в рудник, как на фронт, на битву с духами подземелий, в забой — как в бой, добывали там трофеи — или, увы, погибали в битве. История Кокуйской ямы показывает, что рудокоп понимал себя как воина. Скажем, металлург понимал себя как колдуна, и магия металлургии — шаманская, это давно известно в культурологии. Но что магия рудокопов — воинская, никто из культурологов не увидел. Вот такую идею я и развиваю в концепт, и доказательств его истинности по рудникам и заводам Урала — немало.

— Вы говорите, что наш край имел собственных святых. Но так как в современном обществе все смыслы перемешались, актуальны ли теперь святые?

— В одном документе я прочитал такую историю. Однажды какой-то деревенский мужик по какой-то своей надобности привез на Саткинский завод свою жену. А завод вдруг дал оглушительный гудок. И баба от испуга спятила. Тогда мужик повез жену отмаливать в Верхотурье к святому Симеону. А почему не в Табынск к чудотворной иконе или не в могучий Далматовский монастырь — они ведь ближе к Сатке? Потому что Симеон

— главный святой для заводов. Бабу напугал завод — пусть заводской святой и лечит.

В старину региональная идентичность определялась по святым или святыням. Для крестьян Зауралья самым почитаемым святым был Далмат Исетский. Для крещеных коми — Стефан Пермский. Казаки южного Урала почитали Табынскую икону Богоматери. Звероловы и промышленники поклонялись Василию Мангазейскому. Каждому поклонению были свои причины. А главным святым горнозаводского Урала, святым для рабочих, был Симеон Верхотурский.

Он не совершал молитвенных или миссионерских подвигов, а был просто портным на отхожем промысле, шил шубы. Только чуть-чуть не доделывал дело, какую-нибудь пуговицу не пришивал, чтобы не брать платы за свою работу. Почему народ запомнил такие чудачества Симеона? Потому что в этих чудачествах воплотился чистый, слободской идеал труда. А труд — главная ценность на горных заводах. Поэтому Симеон стал главным святым для рабочих.

«Конечно, сложно представить, что мы с вами сейчас пойдем крестным ходом в Верхотурье, но ценности тех времен актуальны для нас и по сей день. Главная ценность человека на Урале — труд». Фото — Дмитрий Горчаков.

Конечно, для нашего времени такие культурные практики и воззрения уже не актуальны. Поклонение святому Симеону — не актуально. Но ценность труда — актуальна. Ценность труда сформировала «горнозаводскую цивилизацию» Урала — эталонный социум, образец индустриального общества. Конечно, мы стремимся к постиндустриальному обществу, но индустриальное не отрицает постиндустриального, как тюнинг и дизайн автомобиля не отрицают двигатель и колеса. Индустриальное общество — преимущественно общество производства, постиндустриальное — преимущественно общество потребления. Кому-то интереснее потреблять, а кому-то — производить. Не обязательно производить гайки к болтам; создавать образы, идеи, технологии, софт — это ведь тоже производство. Пока в мире есть люди, которым производить интереснее, чем потреблять, «горнозаводская цивилизация» будет актуальна.

— Есть мнение, что горнозаводской Урал начался после Второй мировой войны, когда сюда сослали многие заводы, а до этого мы исторически ничем не отличались от таких же горнозаводских поселений в той же, например, Англии; а теперь и это утратило свой смысл, потому что Екатеринбург значительно изменился в последние годы и стал просто местом для зарабатывания денег. Может, теперь эта горнозаводская история для Екатеринбурга не очень актуальна?

— Урал всегда отличался от прочих промышленных районов. Во-первых, как я уже сказал, на Урале промышленность была организована по принципу государства: заводы подчинялись горному управлению и не подчинялись губернаторам, имели свое законодательство, свое административное деление, свои войска, свою систему образования и соцзащиты.

А во-вторых, «горный завод» — не просто поселение при заводе, а особый градостроительный тип. Он сформировался в эпоху вододействующих агрегатов. Завод работал на водобойных колесах, для них какую-нибудь речку перегораживали плотиной и наливали пруд. Завод стоял под плотиной, вокруг завода и пруда располагалось селение, в планировке оно было в виде клещей, охвативших пруд. Селение строилось на косогорах, ведь пруд создавали в лощине меж гор: не там, где людям удобно жить, а там, где заводу удобно работать.

В Европе совсем не так. Там была деривационная, а не прудовая система водоснабжения машин. Реку не перегораживали плотиной, а как бы расплетали на каналы, как веревку на ниточки. Канал — это, в общем,

обычная улица. То есть горный завод не являлся «градоформирующим» фактором. Уральское поселение не имеет градостроительных аналогов. Всего на Урале было построено около 220 городов-заводов. Ныне это и самый большой город Урала — Екатеринбург, и самый маленький — Чёрмоз, в котором всего 4000 населения.

На фото — Малавиха. Эти города — «горные заводы» — составляют сетевую структуру, ближайшее подобие — Ганзейский союз, состоящий из 500 городов.

Екатеринбург сохранил в себе всю «генетическую цепочку» смыслов индустриального города. Пруд с Плотинкой и Исторический сквер — это от горного завода XVIII века. Пафосные классицистические здания Горного управления, дома горного начальника, горной аптеки, особняки золотопромышленников, инженеров и заводчиков — это от «горнозаводской державы» XIX века, от времен так называемого военно-заводского режима. Конструктивизм — от индустриальной цивилизации XX века, когда вся жизнь была переосмыслена как производственный процесс. Наконец, хайтек XXI века — постиндустриальный мегаполис, который производит не вещи, а информацию. И если кто-то хочет в Екатеринбурге просто зарабатывать, наплевав на все остальное, — да ради бога. Почему о городе надо судить по мнению тех, кто приехал сюда лишь за баблом?

Екатеринбург хранит и дух промышленности. Промышленность — она несентиментальна, безжалостна, прагматична. По отношению к бывшему она всегда в состоянии агрессии, экспансии, атаки. Когда-то горные офицеры, инженеры и золотопромышленники застраивали город особняками — нагло, напоказ, энергично и решительно. Потом так же энергично город застраивали промобъектами эпохи конструктивизма, общественными зданиями, домами-коммунами — втапывая в землю особняки бывших хозяев города. Теперь вот прет хайтек новых королей, но прет так же, вломовую, нагло, нахраписто, громоздится сам на себя. Историческая среда разрушается, но исторический характер Екатеринбурга — тот же самый.

«То, что во время войны на Урал были эвакуированы предприятия, ничего не поменяло в горнозаводской структуре. Структура на 200 лет старше переселенных в эвакуацию заводов. Более того, именно эта структура и позволила России в конце XVIII века стать мировым промышленным лидером — единственный раз за всю историю страны».

Можно и не знать горнозаводскую историю Урала и Екатеринбурга. Никто не заставляет. Можно не знать историю России, литературу, астрономию, много чего еще. Можно есть руками, можно не чистить обувь, можно мочиться в лифте. Но существуют вещи, которые культурный человек делает обязательно, без какой-либо выгоды или принуждения. Так положено, потому что мы люди. Положено любить мать. Положено в храм

и в музей приходиться в штанах. Положено знать историю родины. Просто положено, побудительных мотивов нет, это императив.

А горнозаводская история, вернее, промышленное мировоззрение, для Екатеринбурга актуальны и ныне. В Екатеринбурге любое дело само собой организуется как промышленное предприятие. Здесь это такой формат всего по генетике. Ну, как Черномырдин говорил: «Какую партию мы ни строим, все КПСС получается». Рок-группы стали рок-клубом, ОПГ «Уралмаш» руководила сотней фирм, епархия превратилась в митрополию, а память о гибели царской семьи — в мощную паломническую индустрию, и так далее, и так далее.

Да что там доказывать актуальность... Не все актуальное ценно, и не все ценное непременно актуально. Надо быть внимательным к ценному, а не к актуальному. Как говорят кутюрье: мода важнее бренда только для лохов.

— До того как увидеть поселения лично, вы много писали о горнозаводской цивилизации. Личный взгляд изменил ваше отношение к этой теме?

— Я вообще-то не новичок на Урале, и до этой книги все основное уже увидел. Книга позволила найти аргументы, подтверждающие различные идеи. Например, видишь, как почитают своих легендарных мастеров в Тагиле, в Кушве, в Верхней Туре, в Алапаевске, в Реже — и понимаешь, что уральский мастер — не просто культовая фигура. Это вообще феномен не промышленный, а религиозный.

Мастер не изобретал новых принципов сам, а брал их у профессиональных инженеров и строил по ним свою собственную машину — ну, как будто писал свою собственную икону по канону, который придуман кем-то другим. И к изобретению своему мастер относился как к чудотворной иконе. Икона может исцелить человека, а машина мастера может исцелить завод, но иконы не заменяют медицину, а мастера не заменят прогресса. Мастер считал труд богоугодным и обязательным делом, как моление. Для завода мастер был образцом нравственности. В общем, феномен уральского мастера происходит из среды раскольников с их религиозностью и культом труда. Самые известные мастера Урала, которые стали олицетворением уральского мастера вообще, — это отец и сын Черепановы, изобретатели паровоза. И Черепановых мы доныне почитаем в формате святой Троицы: так сказать, отец, сын и пар святой.

На фото — Нижняя Баранча. Люди часто ходят мимо совершенно уникальных исторических зданий, заводов. Глаз привык и не замечает их красоты.

По-моему, самое интересное — это понимать, почему все устроено так, а не иначе. И в своей книге я разбирался с устройством культуры индустриализма на примере Урала. Возьмем, скажем, самоцветы. Известнее прочих месторождения Мурзинки. Первые камни здешние крестьяне находили в бороздах, и сложилось убеждение, что самоцветы — это плоды земные, как морковь или луковицы. Только их никто не сажает, поэтому они принадлежат тому, кто их нашел — отсюда и этика свободных и честных отношений поисковиков. Вера в то, что камень дается нежадному, как способ убедить социум, что промысел надо вести честно, иначе всем хуже.

Были разные поверья. Например, когда в копи оборвалась жила, надо оставить на ночь на дне тарелку с угощением. Если утром тарелка пустая, значит, хозяин копи угощение съел и приведет горщика к жиле. То есть самоцветы уподоблялись еде, опять же, плодам земным. Или традиция облизывать найденный кристалл, потому что земля на нем — святая. Облизывание — символическое поедание. И становится ясно, что на Мурзинке существовала особая магия самоцветов: крестьяне Мурзинской слободы перенесли аграрную магию

на добычу камней.

А вот та магия камня, которую мы встречаем в сказах Бажова, совсем не соответствует магии Мурзинки! Почему? Потому что магия сказов возникла на Полевском заводе, на Чусовой, где русские успели застать вогулов, местных жителей. Показывая русским месторождения, вогулы оставили им и свои предания, связанные с месторождениями. Эти предания всплыли потом в сказах Бажова совсем иной магией самоцветов — шаманской, а не крестьянской. Поэтому под Полевским бегают олени Серебряное Копытце, а вокруг Мурзинки — нет. Поэтому камни Мурзинки — драгоценные, а камни Полевского — священные.

Без поездок все эти вещи трудно осознать. Надо разговаривать с людьми, надо смотреть местные музейчики, которые зачастую не имеют сайтов, надо на местах покупать брошюры местных краеведов, которые ты не купишь через интернет-магазины.

Скажем, на многих заводах существуют предания, что в их отвалах во время войны случайно закопали танк. В Верхней Салде закопан такой мифический танк, в Кушве, в Сатке, а про танк-памятник в Кунгуре вообще говорят, что этот Т-34 выкопан из земли. Откуда столь устойчивое предание? От сложного символического отношения заводов к пушкам. Пушка в сознании рабочих существовала по формату священного животного, пушка «выходила из земли», то есть из руды, а танк — это пушка с колесиками, которой еще легче выбраться из недр. И на многих заводах в качестве памятников ставят каменные или символические пушки, как в Каменске-Уральском, например, хотя настоящих пушек для памятника — просто навалом.

«Такие вещи, вроде того, что пушка — священное животное, — понимаешь только «в поле», на «микроуровне». Тут не поможет ни интернет, ни телефонный разговор, ни официальный заводской архив, только личное присутствие, личное общение. А вещи-то ведь важные для культуры, даже базовые. Они и делают абстрактное понятие «индустриализм» конкретным».

— Сколько городов подобного типа вы осмотрели для книги?

— Я не считал. Около сотни городов и поселков. Перед началом работ Алексей Бадаев сказал, что, если книгу финансирует свердловский бюджет, хотелось бы, чтобы наиболее полно и объемно была представлена именно Свердловская область. И там, где у нас был выбор между «свердловским» и «несвердловским» материалом, мы выбирали «свердловский».

Хитрость еще в том, что заводские территории — закрытые, это «терра инкогнита», но здесь скрываются подлинные шедевры. Мы были потрясены огромным заводским комплексом Верхнетуринского завода — это целый городок из фигурных цехов-теремов, очень атмосферный и стильный. Очень выразительны уцелевшие фрагменты Нижнебаранчинского завода. Все это ни в какую дырку в заборе не увидишь, а это уникальные индустриальные ансамбли. В Свердловской области у нас был «административный ресурс», и мы просочились через все КПП и ограды, и то, что нам показали, действительно было неожиданно и ново.

— Мне кажется, что сейчас многие, скорее, стыдятся индустриального прошлого города. Может ли это стать основой нашей современной жизни, какой-то «фишкой» Урала, в том числе туристической?

— Согласен, люди стыдятся. Тому есть много причин. Во-первых, ужасное состояние культурного наследия. Больно видеть разруху и стыдно показывать. Во-вторых, считается, что все это — ушедшая натура, «стрём», «совок» и тому подобное. А это уже от комплекса неполноценности. От нежелания людей узнать больше о своих уникалах, которые никак не сводятся к советскому опыту и тем более — к советской идеологии. От неумения хранителей рассказать о богатствах адекватно XXI веку. От непонимания властей, что надо делать главной темой региона.

«Церкви, религия, природа — не главная тема Урала, ведь все это в больших количествах есть и в других местах. Горнозаводская тема должна быть тем бонусом, благодаря которому люди будут выбирать Урал среди других, не менее интересных регионов». Фото — Дмитрий Горчаков.

Что обычно выдвигается на первый план? Церкви? Ну так по всей России церковью немерено. При всем уважении к православию, православие — не главная фишка Урала. А что еще? Пещеры, реки? Это, конечно, здорово. Но природные объекты становятся по-настоящему интересны лишь в индустриальной теме, лишь по отношению к заводам. К примеру, возьмем знаменитую Чусовую.

Она прекрасна. Но Чусовая — не самая рыбная река, не самая грибная, не самая ягодная. Не самая теплая, не самая быстрая, не самая чистая. Не самая дикая — наоборот, полностью освоенная, и все леса на ней — вторичные. Чусовая славится своими скалами. Но скалы обретают индивидуальность, когда люди узнают, что об эти утесы разбивались суда горнозаводских караванов. Чусовая уникальна тем, что каждую весну два десятка заводов сливали в нее воду из своих прудов и превращали реку в водяной конвейер для караванов из сотен барок. По реке катилось рукотворное цунами, на котором и неслись караваны. История этого уникального сплава и может привлечь туристов, потому что солнце, рыбалка, костры, купанья, даже скалы — они есть и в других местах.

Как привлечь туристов — придумают специалисты-промоутеры, которые решали и не такие проблемы. Как организовать турпоток — придумают менеджеры. Нужна воля власти, чтобы привлечь промоутеров и менеджеров. Самопалом проблема не решится — и нигде она никогда не решается энтузиазмом местного населения. А горнозаводская тема должна быть тем бонусом, благодаря которому люди будут выбирать Урал среди других, не менее интересных регионов. И горнозаводскую тему надо подавать эффектно, понятно, не в совковом духе: «Урал — опорный край державы», а в современном ключе: «Урал — это Гэндальф».

Фото Юлии Зайцевой, Алисы Сторчак

Источник: 66.ru

Автор: Алиса Сторчак © Babr24.com КУЛЬТУРА, РОССИЯ 👁 8779 05.11.2013, 15:02 📌 690

URL: <https://babr24.com/?ADE=120360> Bytes: 22805 / 21640 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Алиса Сторчак**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)